

ХРЕСТОМАТИЯ К КУРСУ "ЭПИСТЕМОЛОГИЯ"

ЛОССКИЙ НИКОЛАЙ ОНУФРИЕВИЧ
(1870-1965)

Я есть сверхпространственный и сверхвременный субстанциальный деятель, абсолютно индивидуальный согласно своей нормативной идее (т. е. согласно своему индивидуальному образу Божию), обладающий сверхкачественною творческою силою и всею совокупностью отвлеченного логоса; он свободно творит свои проявления, создает в союзе с другими деятелями свою духовную душевную и телесную жизнь, придавая событиям ее временную или пространственно-временную форму. На основе опыта своей жизни он вырабатывает свой эмпирический характер, который, однако, не остается неизменным. Чем выше ступень развития я, тем более сложным эмпирическим характером обладает оно, состоящее из сочетания множества качеств, т. е. отвлеченно-идеальных типов проявлений.

Как носитель сверхкачественной силы, я стою выше определенности событий и отвлеченных идей: я есть начало металоогическое. Оpozнание такого начала есть дело мистической интуиции. Возможны разные степени глубины опознания субстанциальности своего я. Чаще всего встречается полное неумение усмотреть свою субстанциальность. Юм считает я "связкою различных перцепций", Б. Рассел считает понятие субъекта логической фикцией, введенною ради лингвистического удобства, в силу требований грамматики. Первый проблеск знания о субстанциальности я достигается путем интеллектуальной интуиции и состоит в усмотрении второстепенного признака субстанции, именно того, что она есть носитель множества событий и качеств, точка объединения их. Мыслитель, усмотревший этот аспект субстанциальности, не находит в субстанции, за вычетом качеств и событий, никакого особенного содержания, видит ее только как бессодержательную "точку", которой "принадлежат" события и качества. Поэтому различие между многими субстанциями для него заключается только в различии комбинаций отвлеченно-идеальных эмпирических качеств и событий, носимых ими. Подлинно индивидуальное, стоящее выше, чем различные сочетания не индивидуальных качеств, не усматривается ими. Кант, поскольку он разрабатывает научное мировоззрение, не усматривает даже и такой онтологической точки: я у него есть трансцендентальное единство апперцепции, именно единство правил сочетания событий в единое целое сознания.

Чтобы проникнуть глубже в субстанциальное содержание я, необходима не только интеллектуальная, но еще и мистическая интуиция: она открывает сверхкачественную творческую силу я, ставящую я выше и обуславливающую свободу его; она открывает значительность я, именно потенцию бесконечного множества определенных содержаний, связанную с индивидуальным призванием творить их сообразно нормативной идее данного я: в этом мистическом созерцании я, даже и за вычетом его эмпирических качеств и проявлений во времени, открывается как конкретное индивидуальное существо.

Для этой интуиции необходима хотя бы некоторая ступень очищения души, по крайней мере настойчивое усилие выйти из ограниченности психо-материального царства, приобщиться к Божественному миру и через связь с ним идти к восстановлению целостности духа. В самом деле, своеобразие каждого я заключается не в его изолированном бытии, а в его индивидуальном целостном приятии всего мира с Богом во главе и призвании к своеобразному аспекту соборного творчества. Пребывание я не в Царстве Божием, а в нашем психо-материальном царстве есть следствие себялюбия, т. е. стремлений и действий, несовместимых со стремлениями других существ и потому не пригодных для соборного творчества. Следствием такой деятельности является нарушение целостности мира и даже целостности душевной жизни самого себялюбивого деятеля: он сам является носителем несовместимых стремлений и потому никогда не может быть вполне удовлетворен своею деятельностью. Дисгармонии его эмпирического характера необходимо ведут также к еще большим нарушениям целостности в его организме, который, состоя из множества различных субстанциальных деятелей, вступающих в борьбу друг с другом, часто оказывается стоящим на границе полного реального распада и вынуждает своего хозяина еще в большей степени то к одному, то к другому виду односторонности, исключительности, обеднения жизни и подчинения низшим стремлениям. Такое состояние естественно сопровождается сосредоточением внимания на отдельных разрозненных переживаниях, страстях, интересах, и видение субстанциальности своего я утрачивается. Флоренский говорит: "Без любви,— а для любви нужна прежде всего любовь Божия,— без любви личность рассыпается в дробность психологических элементов и моментов. Любовь Божия — связь личности". "Весь организм — как телесный, так и душевный — из целостного и стройного орудия, из органа личности превращается в случайную колонию, в сброд не соответствующих друг другу и самодействующих механизмов. Одним словом, все оказывается свободным во мне и вне меня,— все, кроме меня самого". "И если современная психология все твердит, что она не знает души как субстанции, то это только весьма скверно выставляет нравственное состояние самих психологов,— в маске своей, очевидно, являющихся "потерянными мужчинами". Тогда,

действительно, не "я делаю", а "со мною делается"; не "я живу", а "со мною происходит". Невидение субстанциальности я и вообще глубинного бытия, обусловленное типично человеческим сосредоточением наличном самосохранении и благополучии, ведет к материализму или позитивизму с их детским, сравнительно невинным отрицанием мистики. Гораздо опаснее путь того эгоцентризма, который увлекается целями честолюбия, славолубия, воли к власти, сверхчеловеческой гордыни. Средством для удовлетворения этих страстей служит развитие в себе высоких способностей и грандиозной деятельности социального реформаторства, художественного или научного творчества и т. п. По внешней видимости эта деятельность кажется проникнутой чистою любовью к абсолютным ценностям, но в действительности, исходя из эгоистических побуждений, она представляет собою фальсификацию добра, порчу великих положительных ценностей (напр., искания социальной справедливости) примесью к ним зла. Себялюбивая основа такой деятельности обнаруживается в неспособности субъекта к соборному творчеству, в открытой или чаще глубоко затаенной в подсознании ненависти к Богу, источнику подлинного чистого добра. Такой высокоодаренный субъект способен если не увидеть глубинное бытие, то догадаться о несомненности существования его, но только для цели возвеличения себя: он способен к мистике пантеизма, имеющего дьявольский уклон, возводящего свое я на степень существа, равного Богу. Это самозванство приводит к той или иной форме богоборчества. Одну из них художественно обрисовал Вл. Соловьев в "Повести об Антихристе" (в "Трех разговорах"),

Мистическая интуиция открывает не только такие легко выразимые в понятиях и доступные интеллектуальной интуиции аспекты я, как сверх-пространственность, сверхвременность, принадлежность ему, как носителю, качеств и событий; согласно сказанному выше, она ведет к усмотрению той, стоящей выше ограниченных определенных качеств силы его, которая делает его способным к свободе и творчеству; мало того, она ведет к усмотрению индивидуального своеобразия я. Здесь мы дошли до того аспекта бытия, который невыразим в понятиях и в каждом данном случае может быть только обозначен именем собственным.

Субстанциальные деятели низших ступеней развития, электроны, атомы и т. п. не могут быть опознаны в их индивидуальной сущности, вероятно, ни одним существом психо-материального царства. В отношении к существам, более близким к человеку и, напр., связанным с его профессиональною деятельностью, часто достигается знание, которое может показаться знанием индивидуальности: так, пастух знает каждую овцу в стаде, садовник — всякую яблоню в саду. Однако в этих случаях мы имеем дело с виртуозно развитым знанием низших ступеней общности (такая-то овца отличается от всех других тем, что у нее шерсть несколько длиннее, такая-то овца прихрамывает и т. п.), а вовсе не с знанием индивидуальности единичной вещи. Большинство имен собственных (городов, рек, стран, животных, даже людей) применяется нами на основании только такого знания низшей степени общности.

Если строго отличить знание низшей степени общности от знания "этого индивидуума", как такового, то окажется, что знание индивидуальности единичной вещи есть явление чрезвычайно редкое. Вместо того чтобы соглашаться с номиналистами, которые утверждают, будто общих идей никто в своем сознании не наблюдает и будто познавательная деятельность начинается со знания индивидуальностей, мы скорее поняли бы того, кто стал бы утверждать, что индивидуальное совсем непознаваемо и что все знание складывается только из общих понятий и представлений.

Только в отношении к ближайшим нам любимым личностям, напр. родным, друзьям, нации, к которой мы принадлежим или которую любим, достигается подлинное приобщение к их индивидуальности и подлинное право обозначать их именем собственным. Но, конечно, попытка определить индивидуальные черты, напр. какого-либо народа, дает только бледные схемы (вспомним хотя бы всевозможные рассуждения об "ame slave" (славянской душе.— Ред.), только коллекции отвлеченных понятий, бесконечно далеких от той своеобразной целостности, которая содержит в себе бесчисленное множество отвлеченных аспектов, но неразложима на них сполна и не исчерпывается ими. Только в художественном восприятии невыразимом словами, можно бывает уловить аромат индивидуальности лиц в его поступках, физиономии, речи и также художественное созерцание дает высокое эстетическое наслаждение.

Полное проникновение в глубины какого-либо индивидуума было бы сердцеведением, которое доступно только Богу. Святые обыкновенно обладают даром глубокого проникновения в чужую душевную жизнь и способность ясновидения. Это та черта их, которая обозначается термином прозорливость...

Святой прозорливец видит темные закоулки души человека, но он предпочитает то состояние соединения души с Богом, при котором мир открывается ему в аспекте добра и красоты, при этом он освобождается по словам св. Иоанна Креста, от "нескромного заглядываю в чужую душу". Это не значит, что такой святой, удалившись от зла, наслаждается своим прекраснотушным созерцанием красоты Бога и мира и утрачивает способность руководить людей к добру. У Бога есть много способов сделать святого орудием борьбы со злом; так, напр., руководясь откровением, полученным в бодрственном состоянии или во сне, святой может давать советы и указания без конкретного видения зла и бедствий человеческой

жизни.

Получая множество писем от лиц, нуждающихся в советах и помощи, о. Серафим часто давал ответ на них, не распечатывая и не читая их (стр. 55). Св. Тереза получала иногда во сне откровения о душевном состоянии окружавших ее лиц и о том, как наставить их на правильный путь.

Данные чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции глубоко отличаются друг от друга: тем не менее они все суть различные аспекты единого осмысленного космоса.

Богат и разнообразен мир в своем положительном содержании. Бог дал нам великие способности для творческого достижения полноты жизни и окружил нас могущественными средствами борьбы со злом. Если тем не менее мы пребываем в царстве обедненного содержанием бытия, обреченные на лишения или скуку, то это потому, что мы сами упорно отворачиваемся от источника всякого добра, истины и красоты — Бога. <...>

"Человеческое я как предмет мистической интуиции" // Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 283-288.